

Нефёдов Сергей Трофимович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9
s.nefedov@spbu.ru, nefedovst@gmail.com

**РЕСТРИКТИВНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ:
МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА СОМНЕНИЯ И ОБЩЕЗНАЧИМОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ)**

В статье представлен проведенный на материале немецкоязычных лингвистических статей лингводискурсивный анализ эпистемических модальных слов и выражений с семантикой сомнения и общезначимости. Уступительно-ограничительный характер научной аргументации связывается с ориентацией автора текста при вербализации полученных результатов на ожидания и возможные ответные реакции профессионального научного сообщества. Автор постоянно оценивает степень категоричности своих утверждений и варьирует ее при помощи эпистемических единиц в зависимости от уместности в том или ином контексте научного сообщения и в связи с общепринятыми нормами профессионального взаимодействия. Из этических и профессиональных соображений особенно важно дозировать категоричность критических замечаний при оценивании позиции коллег по научной дисциплине и общепринятого нормативного знания. Семантический потенциал эпистемических единиц сомнения и компонентов со значением общезначимости как нельзя лучше соответствует данной прагматической цели. В статье выделены два типа модальных средств: первый тип позволяют автору смягчить категоричность авторской критики чужого мнения, второй служит основой для авторской аргументации в опоре на коллективное мнение.

Эпистемические модальные единицы рассматриваются как маркеры intersubjectных отношений автора-исследователя и целевой профессиональной аудитории. Они открывают дискурсивное пространство вежливой некатегоричной аргументации и позволяют маркировать авторскую позицию на фоне сдержанного несогласия, дополнительных рестрикций и оговорок условий, обстоятельств, критериев, характеристик. Благодаря смягчению категоричности утверждений они обеспечивают автору возможность формулирования научных положений в модусе возможности, альтернативы, позволяют опираться на общепринятые положения и сглаживать конфликт старого и нового знания. В статье привлекается внимание лингвистов, интересующихся проблемами профессионального языка науки, к необходимости учитывать дискурсивно-коммуникативное измерение научного текста, сквозь призму которого становится более понятным, как строится научный текст, как в нем фокусируется роль продуцента и его личный вклад в изучение проблемы, как моделируются ожидания профессионального сообщества и конструктивное взаимодействие с ним, как контролируется сам процесс научной аргументации в опоре на дискурсивные нормы. Библиогр. 26 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: научная профессиональная коммуникация, научная аргументация, лингвистический дискурс, модальность научного текста, эпистемическая модальность, модальные слова и выражения сомнения, модальные слова и выражения общезначимости.

Nefedov Sergey T.

Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
s.nefedov@spbu.ru, nefedovst@gmail.com

**RESTRICTIVE ARGUMENTATION: MODAL WORDS OF DOUBT AND SHARED KNOWLEDGE
IN ACADEMIC LINGUISTIC WRITINGS**

The paper analyses the epistemic modal words and expressions of doubt and shared knowledge in linguistic research articles. The restrictive features of the academic argumentation contribute to and connect with the author's orientation focusing on the expectations and the possible responses of the

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

disciplinary community. The authors evaluate the degree of the credibility of their assertions and modify it by means of epistemic components according to its appropriateness in argumentation contexts and in relation to the general discourse norms of professional interaction continually. From ethic and professional points of view, it is crucial to control the illocutionary force of critical comments especially when they relate to the judgments of the colleagues to be belonged to the same disciplinary community or to the well-known knowledge. Moreover, the important pragmatic aim of academic argumentation is not confrontation, but the way to accept a compromise and to achieve the possible compatibility of the different positions. Since the semantic potential of epistemic units of doubt mitigates the illocutionary force of critical comments and the components of shared knowledge construct the positive underground of the cooperative engagement with the disciplinary community.

Then the modal epistemic components are treated as markers of the intersubjective relations between the authors and their target audience. They open a discourse dimension of the hedged polite argumentation and allow the authors to articulate their personal stance against the background of restrained disagreement, additional restrictions and reservations, circumstances, criteria, characteristics etc. They make it possible to downplay the conflict between previous and novel knowledge structures fixated in texts. The paper draws attention of the linguists who are interested in the issues of the science language to the necessity to take into account the discourse dimension of academic writings. Refs 26. Table 1.

Keywords: professional scientific interaction, academic argumentation, academic linguistic discourse, modality of scientific texts, epistemic modality, modal words and expressions of doubt, modal words and expressions of shared knowledge.

1. Вводные замечания

Лингвистический анализ в направлении от заданного типа средств к выяснению их содержательных функций в составе высказываний и текстов является одним из двух основных методов рассмотрения языковых феноменов в традиционной функциональной грамматике и лингвистике. Семасиологический подход «от языковых форм к их содержательным функциям» естественным образом дополняет ономазиологический путь анализа лингвистических единиц [Бондарко 2014, с. 74–89; Кубрякова 2000, с. 346]. В последнем случае исходным является некоторое содержание и ставится вопрос о том, какими языковыми средствами данное содержание формально воплощается в грамматической структуре текстов. О комплементарности обоих подходов см. подробнее [Эйхбаум 1996, с. 17–20].

В настоящей статье традиционные подходы функциональной лингвистики применяются в контексте дискурсивного анализа, чтобы сфокусировать внимание на дискурсивно-коммуникативном измерении научного текста, задающем общие принципы отбора языковых средств. В целом ставится и решается двуединая задача. С одной стороны, предпринимается попытка рассмотреть определенные языковые средства — эпистемические модальные слова (ЭМС) и выражения (ЭМВ) как носители категориально однотипного функционального содержания — в их соотносительности с параметрами научного дискурса. С другой же стороны, в перспективе «от дискурса» объясняется, что выбор указанных средств не случаен и обусловлен существенными характеристиками самого научного лингвистического дискурса, его дискурсивными нормами. При этом особое внимание уделяется включенности изучаемых семантических групп эпистемических единиц сомнения и общезначимости в реализацию авторских коммуникативных стратегий ведения научной аргументации и представление собственной точки зрения на фоне объективно существующего в лингвистике плюрализма мнений и возможных ответных критических реакций представителей профессионального сообщества.

2. Обоснование в ориентации на мнение профессионального сообщества

Постановка научной проблемы и ее поэтапное решение в опоре на аргументы составляют смысл любой научной деятельности. Эти речемыслительные операции познающего субъекта неизбежно сопровождаются критической рефлексией в отношении полноты и достоверности знаний, сложившихся в научном профессиональном сообществе, или сомнением в убедительности точки зрения других исследователей на тот или иной объект. Поэтому переструктурирование старого, имеющегося на данный момент знания и переосмысление мнения коллег в новом ракурсе и с учетом новых параметров является необходимым условием прогресса в научной дисциплине. Как показывают прагмалингвистические, социолингвистические и лингводискурсивные исследования последних 15–20 лет, языковой след мыслительных шагов критической рефлексии, эпистемической оценки достоверности высказываний и фокусирования на новом знании запечатлен в научных текстах в виде многообразных форм и структур. Он составляет неотъемлемый компонент семантики и прагматики научного текста [Кожина, Дускаева, Салимовский 2014, с. 289–306; Auer, Baßler 2007; Hyland 2012; Steinhoff 2007a; Swales 1990; Weinrich 2006; Weitze, Heckl 2016]. Было показано, что в научных текстах отображаются не только некоторые объекты и их системные связи, но и прямо или косвенно авторизуется сам когнитивный и речевой субъект в процессуальности научной аргументации. При этом автор-исследователь, формулирующий полученные научные результаты, всегда ориентируется на сложившуюся в профессиональном сообществе модель коммуникации и дискурсивные нормы текстурализации, в противном случае он рискует как минимум быть непонятым. Дискурсивные нормы можно рассматривать поэтому в качестве общепринятых коммуникативных стратегий, по умолчанию доступных автору как члену научного сообщества для фиксации структур старого и нового знания. Тем самым в научном тексте постоянно воспроизводятся базовые элементы профессионального взаимодействия между отдельным исследователем и предметно специализированным научным сообществом, в которое он входит. Автор научного текста стремится не только представить профессиональному сообществу некоторые новые сведения об объекте, но и убедить его представителей в релевантности сообщаемого. Как пишет по этому поводу М. Оверингтон, «наука всегда стремится к консенсусу через персуазивную репрезентацию научных результатов... цель же научной аргументации состоит в том, чтобы быть убеждающей» [Overington 1977, p. 155].

Таким образом, анализ содержания научных текстов с учетом параметров социально-коммуникативного контекста закономерным образом приводит исследователей к выделению двух взаимодополняющих содержательных уровней: объектно и субъектно ориентированного.

Субъектно ориентированный пласт содержания научного текста, в свою очередь, объединяет два основных типа текстовых смыслов и соответствующих языковых средств их экспликации. Одни обращены к выражению авторской позиции по поводу степени достоверности текстовых утверждений, содержащих личное мнение исследователя, мнение других коллег или общепринятое нормативное знание профессионального сообщества об изучаемом феномене. Другие элементы текстового субъектно ориентированного содержания отсылают непосредственно к про-

фессиональному взаимодействию с целевым адресатом и организуют это заочное взаимодействие с позиций и в пользу адресанта. Линии моделируемых контактов с адресатом носят при этом многовекторный характер: одни из них благодаря метатекстовым указаниям обеспечивают успешную навигацию по научному тексту, другие — ненавязчиво вовлекают адресата в процесс аргументации как равноправного партнера, третьи — через интертекстуальные отсылки предусмотрительно снабжают адресата дополнительной и альтернативной информацией и т. д.

Отмеченные выше два типа субъектных и интерсубъектных проекций научной интеракции в содержание текста, сконцентрированные, соответственно, на выражении авторской позиции и на взаимодействии автора с потенциальным адресатом, в американской и английской лингвистике принято обсуждать в категориях позиции / авторского позиционирования (*stance, writer's positioning*) и контактирования / вхождения в контакт (*engagement*) [Biber, Finegan 1988; Hyland 1995; Hyland 2005].

В немецкой лингвистике авторизованная и интерсубъектная стороны научной аргументации также концептуализированы в целом ряде терминов. Эти термины, однако, сфокусированы на главной черте аргументативного процесса — его направленности на устойчивые ожидания и возможные критические реакции профессионального сообщества: эристическая (оспаривающая) аргументация / *die eristische Argumentation* [Ehlich 1993, S. 28–30], концессивная (уступительная) аргументация / *die konzessive Argumentation* [Steinhoff 2007a, S. 123–125], аргументированная / полученная в диалоге истинность / *die argumentative Wahrheit / die Dialogwahrheit* [Weinrich 2006, S. 261] и др. Такого рода характеристики определяют научную аргументацию в проекции на социальное измерение профессионального взаимодействия, при котором автор-исследователь представляет на суд и одобрение коллег полученные новые сведения об объекте на фоне и с учетом потенциального чужого мнения. В ходе аргументации он должен четко обосновывать свои аргументы и контраргументы, но при этом продемонстрировать профессиональное уважение к другой точке зрения. Одним из средств, обеспечивающих автору возможность эффективно реализовать стоящие перед ним задачи взаимодействия с профессиональным коллективом, являются ЭМС и ЭМВ. Они открывают дискурсивное пространство вежливой некатегоричной аргументации и позволяют маркировать авторскую позицию на фоне сдержанного несогласия, дополнительных рестрикций и оговорок условий, обстоятельств, критериев, характеристик и т. д., которые могут послужить основанием для совместимости вступающих в конфликт позиций. Именно поэтому можно сказать, что критическое оценивание содержания чужих утверждений разворачивается в научной письменной коммуникации в ограничительно-уступительном модусе.

3. Семантические группировки эпистемических модальных слов и выражений, используемых в немецкоязычных лингвистических статьях

Настоящее исследование опирается на лингводискурсивный анализ ЭМС и ЭМВ, выполненный на материале 19 лингвистических статей из немецкоязычных журналов и тематических сборников общим объемом 378 печатных страниц, включающих 9678 текстовых предикаций. Под предикацией понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание про-

позиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предиктируемого признака (предиката). В ходе сплошного обследования указанного корпуса лингвистических текстов были выявлены 288 предикаций с включением эпистемических единиц, что составляет около 3 % от общего количества текстовых предикаций. С точки зрения лексической семантики выделенные ЭМС и ЭМВ были распределены по трем основным группам: эпистемические единицы со значением уверенности, сомнения и общезначимости. В проведенных подсчетах учитывались не только однолексемные модальные слова типа *natürlich, vielleicht, allgemein*, но и лексикализованные словосочетания с эпистемической семантикой знания / мнения, такие как *mit Sicherheit, ohne Zweifel, in der Tat, mit einiger Evidenz, im Allgemeinen* и др. Точные количественные данные по каждому тексту с учетом выделенных семантических группировок эпистемических модальных компонентов (ЭМК) представлены в нижеследующей таблице.

Частотность предикаций с ЭМС и ЭМВ
в научной немецкоязычной лингвистической статье

Автор(ы) статьи в журналах, год издания	Кол-во страниц	Общее кол-во предика- ций	Предикации с ЭМС			Общее кол-во предикаций с ЭМК
			с ЭМК уверенности	с ЭМК сомнения	с ЭМК общезна- чимости	
Bücking 2015	42,5	1115	22	10	1	33
Egbert 2002	19	401	0	7	0	7
Ehlich 1993	23	466	12	17	2	31
Fortmann/ Wöllstein 2013	16	373	8	4	0	12
Helbig 2007	13	604	16	11	0	27
Hennig 2006	20	584	6	13	1	20
Knobloch 2010	17	505	17	6	0	23
Lemke / Stulpe 2015	25	623	2	3	0	5
Müller H.-G. 2014	21,5	613	5	3	0	8
Müller S. 2012	11	267	3	1	0	4
Schneider 2011	18,5	623	17	5	0	22
Steinhoff 2007	23	582	3	1	1	5
Thaler 2007	31	636	2	10	0	12
Zifonun 2011	13	318	4	6	2	12
Статьи в сборниках науч. трудов Ehlich 1995	21	438	10	9	1	20
Ehlich 2006	8	332	8	11	0	19
Heiden / Malmquist 2012	24	450	1	7	2	10
Kretzenbacher 1995	21	441	5	5	0	10
Schiewe 2011	11	307	3	5	0	8
Итого	288	9678	144 / 1,5 %	134 / 1,4 %	10 / 0,1 %	288 / 3 %

В процентном отношении доля каждой из трех установленных семантических группировок ЭМК от их общего количества (288 единиц) составляет 50, 46,5 и 3,5 % соответственно. Следует заметить, что наиболее изученной в немецкой лингвисти-

ке научной речи является самая частотная по употреблению и обширная по составу в целом в немецком языке группировка эпистемических лексем и выражений с семантикой уверенности [Helbig 1981; Helbig, Helbig 1990; Нефедов 2007, с. 36–47]. Две другие группировки чаще всего только упоминаются или вообще не рассматриваются в специальной литературе, когда заходит речь о модализации и авторизации утверждений научного текста; ср. некоторые из значительных в этой области работ немецких авторов [Ehlich 1993, S.28–30; Graefen 1997, S.200–212; Steiner 2009; Steinhoff 2007a, S.347–358]. Именно по этой причине далее рассматриваются только контексты употребления ЭМК со значением сомнения и общезначимости.

4. Дискурсивные функции модальных компонентов со значением сомнения и общезначимости в контекстах рестриктивной аргументации

В корпусе обследованных лингвистических текстов выявлено 134 предикации с включением ЭМС и ЭМВ со значением сомнения. Самыми частотными при этом оказались следующие эпистемические единицы: *offenbar* ‘по-видимому’ — 23 реализации, *möglicherweise* ‘возможно’ — 19, *vielleicht* ‘может быть, возможно’ — 17, *wohl* ‘пожалуй, вероятно’ — 16, *offensichtlich* ‘по-видимому’ — 16, *vermutlich* ‘вероятно, предположительно’ — 9, *allenfalls* ‘пожалуй’ — 8. Рассматриваемые модальные единицы различаются по степени выражаемого сомнения. Если представить семантику сомнения на виртуальной линейной шкале, то согласно «Лексикону модальных слов» Г.Хельбига и А.Хельбиг [Helbig, Helbig 1990] на одном из ее полюсов, на границе с уверенностью, окажутся ЭМС *offenbar* и *offensichtlich*, в середине — *vielleicht*, *vermutlich* и *möglicherweise*, а на другом семантическом полюсе с предельно высокой степенью сомнения — *wohl* и *allenfalls*. Несмотря на эту семантическую разницу, все ЭМК со значением сомнения при включении в высказывание дают один и тот же прагматический и семантический эффект: они сигнализируют об отказе автора научного текста брать на себя полную ответственность за сообщаемое и уменьшают степень достоверности текстовых утверждений. Поэтому такие эпистемические единицы оказываются весьма уместным средством как вежливого некатегоричного оспаривания мнения других исследователей, так и представления собственных результатов в рестриктивном модусе на фоне оговорок и допущения альтернативных точек зрения; напр.:

- (1) *Es ist unabhängig plausibel, dass HVs (der hypothetische Vergleichssatz. — C. H.) eine besondere Nähe zu Kontrafaktizität haben. Nicht zuletzt hat sich die Literatur zu HVs immer wieder eingehend mit der Frage beschäftigt, ob HVs primär kontrafaktisch verwendet werden... s. zum Beispiel Hahnemann (1999). Aus der Nähe zum Kontrafaktischen rührt auch die terminologische Alternative, HVs als irrelative Vergleichssätze zu bezeichnen. Eine entsprechende Verengung trägt vermutlich nicht, s. als Kritikerin z. B. Bergerová (1997) oder Eggs (2006) [Bücking 2015, S. 294]. «Независимо от этого понятно, что гипотетические сравнительные предложения (ГСП) особенно близки к контрафактивности. Не в последнюю очередь специальную литературу по этой проблеме постоянно занимает вопрос, не используются ли данные предложения примарно как контрафактивные... см., напр., Hahnemann (1999). Благодаря этой близости к контрафактивности*

и возникает терминологическая альтернатива обозначать ГСП как предложения ирреального сравнения. Такое сужение трактовки, **вероятно**, не оправдано, см. критиков: напр., Bergerová (1997) или Eggs (2006)».

- (2) ...dabei wurde der K.Prät. vielfach als 'Irrealis der Gegenwart' und der K.Plusq. als 'Irrealis der Vergangenheit' interpretiert (vgl. Duden 1984: 701; Heidolph u.a. 1981: 532; Glück 2000: 362). In diesen Fällen (**möglicherweise** unter dem Druck der Auffassung von einem einheitlichen 'K II' entstanden) wird der temporalen Differenzierung zwischen dem K.Prät. und dem K.Plusq. Rechnung getragen, werden die Unterschiede zwischen dem K.Prät. und dem K.Plusq. aber (auf Grund des gemeinsamen Nenners 'Irrealis') etwas verdunkelt [Helbig 2007, S. 114]. «...при этом претерит конъюнктива многократно интерпретировался в качестве 'ирреалиса в настоящем', а плюсквамперфект конъюнктив — 'ирреалиса в прошлом' (ср. Duden 1984: 701; Heidolph u.a. 1981: 532; Glück 2000: 362). В этих случаях (**возможно**, под давлением точки зрения о едином разряде 'конъюнктива II') учитывается темпоральное различие между претеритом и плюсквамперфектом конъюнктива, однако эти различия (благодаря общему обозначению 'ирреалис') несколько затемняются».

Приведенные текстовые фрагменты (1) и (2) могут служить ярким примером текстовых структур рестриктивной аргументации при выражении несогласия автора с точкой зрения других исследователей, при которой критикующий избегает слишком категоричных утверждений. В (1) С. Бюкинг возражает против слишком узкой трактовки семантики гипотетических сравнительных предложений и ее сведения некоторыми авторами, в частности упомянутой в интертекстуальной отсылке Сюзан Ханеманн, только к отношениям ирреального сравнения. Одновременно критикующий эту позицию автор не «нагнетает конфликт», а ищет аргументы, сглаживающие возникшее противоречие в теоретических позициях, и находит их в объективной близости обсуждаемых структур к контрафактивности. И более того, он переносит свою критику из актуальной данности в область возможного, что эксплицируется посредством ЭМС со значением сомнения *vermutlich*. Дополнительно в конце этого пассажа С. Бюкинг, как бы оправдываясь, приводит мнения еще двух исследователей в пользу своих критических возражений.

В лингвистической статье Г. Хельбига (2) критикуется недостаточно четкая позиция относительно темпоральных различий форм немецкого претеритального конъюнктива, представленная в перечисляемых грамматиках и известном лингвистическом толковом словаре. При этом Г. Хельбиг стремится найти моменты возможной совместимости различных точек зрения на данный объект, смягчает категоричность своей критики, объясняя в высказывании с включением ЭМС *möglicherweise* непоследовательность в трактовках возможным влиянием грамматической традиции объединения форм немецкого конъюнктива в общем разряде «конъюнктива II».

Таким образом, каждый из авторов процитированных лингвистических статей видит несогласованность своей и чужой теоретической позиции. Однако в контексте общепринятой дискурсивной нормы профессионального сотрудничества, направленной на конечное достижение взаимопонимания, оба автора избегают категоричной критики, приводя дополнительные смягчающие обстоятельства.

Цель рестриктивной аргументации в научном тексте состоит в том, чтобы на фоне возражений добиться согласия с реципиентом и показать, что при определенных условиях разные точки зрения на один объект могут оказаться совместимыми. Уменьшающие категоричность авторских формулировок ЭМК сомнения / допущения наилучшим образом позволяют решить эту задачу; напр.:

- (3) *Die Analyse der Satzstruktur (Informationsstruktur, Thema / Rhema) und die Untersuchung des Kontextes zeigen, dass 'übrigens' im Mittelfeld des V2/Satzes eine Markierung setzt, die **wahrscheinlich** dazu dient, gemeinsames Vorwissen zu aktivieren* [Egbert 2002, S.18]. «Анализ структуры предложения (информационной структуры, темы / ремы) и изучение контекста показывают, что в середине предложения с финитным глаголом на 2-м месте 'übrigens' является маркером, который, **вероятно**, служит для того, чтобы активизировать общий предварительный фонд знаний».
- (4) *Während sich das anaphorische 'so' **offenbar** auf beliebige Linkskontexte beziehen kann, sind bei kataphorischem 'so' feste Muster der Anbindung des Rechtskontextes zu erkennen... So fanden sich im vorliegenden Korpus vor allem Belege mit 'dass' im Folgesatz* [Hennig 2006, S.414]. «В то время как анафорическое 'so', **по-видимому**, соотносится с любым левосторонним контекстом, для катафорического 'so' можно обнаружить устойчивые модели привязки к правостороннему контексту... Так, в настоящем корпусе были найдены прежде всего примеры в предложениях следствия».

В (3) представлен завершающий фрагмент анализа М.Эгберт информационной структуры и контекстов употребления высказываний со словом *übrigens*. Личный вывод о способности *übrigens* актуализировать общий фонд знаний коммуникантов автор формулирует в некатегоричной форме как допущение, как одну из возможных трактовок функции этого слова.

С высокой степенью уверенности, но все же при сохранении определенной доли сомнения по причине ограниченности рассмотренного эмпирического материала формулируется собственное мнение автора об анафорическом и катафорическом употреблении слова *so* в высказывании с ЭМК *offenbar* (4). Утверждение на фоне ограничивающих абсолютную категоричность условий является эффективным прагматическим приемом страховки от возможной критической реакции оппонентов. В заключение остановимся на высказываниях с ЭМК со значением общезначимости. Среди эпистемических модальных единиц они обладают в научных лингвистических текстах наименьшей частотностью. Всего было выявлено 10 таких употреблений, что составляет 3,5 % от указанного в таблице общего количества единиц. Наиболее типичные контексты с включением ЭМК общезначимости приводятся в нижеследующих текстовых фрагментах:

- (5) *Üblicherweise wird angenommen, dass der ersten Person Singular die deiktische Funktion eines Sprecherverweises zukommt (vgl. DUDEN 1998, 330)* [Steinhoff 2007b, S.11]. «**Обычно** считается, что 1-ое лицо единственного числа обладает дейктической функцией указания на говорящего (ср. DUDEN 1998, 330)».
- (6) *Eine wichtige Funktion des Kommentars ist **bekanntlich**, Tagesereignisse, Zeitströmungen und politische Entwicklungen zu erläutern, zu interpretieren und zu erklären. Deutungen aus Sicht des Kommentators werden vermittelt mit dem Ziel, den*

Leser in die eine oder andere Richtung zu beeinflussen (Lüger 1995, 126 und Burger 1990, 135) [Heiden, Malmquist 2012, S. 251–252]. «Важная функция комментария, как известно, в том, чтобы разъяснять, интерпретировать и объяснять злободневные события, веяния времени и политические тенденции. Толкования с позиций комментатора представляются с целью повлиять на читателя в том или ином направлении».

- (7) *Typischerweise modifizieren hypothetische Vergleichssätze den jeweiligen Matrixsatz modal; die relevante Art und Weise wird dabei auf der Basis einer konditionalen Interpretation des internen Konnektivs erschlossen [Bückling 2015, S. 262]. «Обычно придаточные ирреального сравнения модифицируют матричное предложение в модальном отношении; при этом релевантный способ модификации выводится на основе соответствующей интерпретации внутренних связей».*

В целом текстовые высказывания, в состав которых входят ЭМК со значением общезначимости, как это видно из приведенных примеров, отсылают к общеизвестным элементам знания в соответствующей лингвистической дисциплине. Посредством такого рода утверждений автор-исследователь присоединяется к устоявшемуся в лингвистике знанию и косвенным образом выражает свое позитивное отношение к нему. При включении общепринятых научных положений в качестве поддерживающих опорных моментов для своей собственной аргументации автор выбирает надежный путь склонить целевого адресата на свою сторону, так как фокусирует внимание на общей системе базовых знаний, теоретических понятий и установок, разделяемых всеми представителями научного коллектива. Таким образом, опираясь на авторитет коллективного мнения, автор научного текста признает решающую роль профессионального сообщества в оценке его собственных идей и нивелирует конфликт старого и нового знания.

5. Выводы

Высказывания с включением эпистемических модальных лексем и словосочетаний с семантикой сомнения и общезначимости играют важную роль в научной аргументации в сфере лингвистики. Они органично вписаны в специфический для науки рестриктивный (уступительно-ограничительный) модус сдержанного аргументирования с учетом ожиданий и ответной оценочной реакции профессионального сообщества. В рассмотренных немецкоязычных лингвистических статьях включение в текстовые высказывания эпистемических модальных единиц с системно-парадигматическим значением сомнения служит целям смягчения категоричности утверждений и представления их как возможного альтернативного мнения без претензий на абсолютную достоверность. Косвенную связь с уступительно-ограничительной аргументацией обнаруживают и высказывания с включением модальных единиц со значением общезначимости. Поскольку в научном тексте предлагаемые автором идеи исходно имеют прогностический статус, то ссылки на нормативное коллективное мнение *per se* имплицитно признают его решающей роли при вынесении окончательного вердикта об их релевантности для научного лингвистического сообщества.

Источники

- Bücking 2015 — Bücking S. “Zur Syntax hypothetischer Vergleichssätze im Deutschen.” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 43 (2), 2015: 261–305. (немецк.)
- Egbert 2002 — Egbert M. “Syntaktische Merkmale von übrigens in der Hauptposition: im Mittelfeld des Verb-Zweit-Satzes.” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 30, 2002: 1–22. (немецк.)
- Heiden von der G., Malmquist A. 2012 — Heiden von der G., Malmquist A. „Der Schuldzuweiser“. Zu Personalisierungen und Selbstbezügen in Pressekommentaren einer schwedischen und einer deutschen Tageszeitung.” *Persuasionsstile in Europa*. Lenk H. E. H., Vesalainen M. (Hrsg.). Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2012. S. 251–274. (немецк.)
- Helbig 2007 — Helbig G. “Der Konjunktiv — und kein Ende. Zu einigen Kontroversen in der Beschreibung des Konjunktivs der deutschen Gegenwartssprache.” *Deutsch als Fremdsprache*. 44 (3), 2007: 110–123. (немецк.)
- Hennig 2006 — Hennig M. “So, und so, und so weiter. Vom Sinn und Unsinn der Wortklassifikation.” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 34, 2006: 409–431. (немецк.)
- Steinhoff 2007b — Steinhoff T. “Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten.” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 35, 2007: 1–26. (немецк.)

Литература

- Бондарко 2014 — Бондарко А. В. “К вопросу о направлениях анализа «от семантики» и «от формы» в системе функциональной грамматики.” *Труды ИЛИ РАН (Acta Linguistica Petropolitana)*. Т. X. Ч. 3. СПб.: Наука, 2014. С. 74–89.
- Кожина, Дускаева и др. 2014 — Кожина М. Н., Дускаева Л. Р. и др. *Стилистика русского языка: учебник*. М.: Флинта; Наука, 2014. 464 с.
- Кубрякова 2000 — Кубрякова Е. С. “Ономастиология.” *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*. Ярцева В. Н. (ред.). М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 345–346.
- Нефедов 2007 — Нефедов С. Т. *Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке (синхрония и диахрония)*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 201 с.
- Эйхбаум 1996 — Эйхбаум Г. Н. *Теоретическая грамматика немецкого языка*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 275 с.
- Auer, Baßler 2007 — Auer P., Baßler H. “Der Stil der Wissenschaft.” *Reden und Schreiben in der Wissenschaft*. Auer P., Baßler H. (Hrsg.). Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 9–29. (немецк.)
- Biber, Finegan 1988 — Biber D., Finegan E. “Adverbial stance types in English.” *Discourse Processes*. 11 (1), 1988: 1–34. (англ.)
- Ehlich 1993 — Ehlich K. “Deutsch als fremde Wissenschaftssprache.” *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache*. 19, 1993: 13–42. (немецк.)
- Graefen 1997 — Graefen G. *Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation*. Frankfurt a/M; Berlin; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997. 357 S. (немецк.)
- Helbig 1981 — Helbig G. “Die deutschen Modalwörter im Lichte der modernen Forschung.” *Beiträge zur Forschung der modernen Sprache*. Bd. 1. Schieb G., Fleischer W. et al. (Hrsg.). Leipzig: Bibliographisches Institut, 1981. S. 5–29. (немецк.)
- Helbig G., Helbig A. 1990 — Helbig G., Helbig A. *Lexikon deutscher Modalwörter*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990. 300 S. (немецк.)
- Hyland 1995 — Hyland K. “The Author in the Text: Hedging Scientific Writing.” *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching*. 18, 1995: 33–42. (англ.)
- Hyland 2005 — Hyland K. “Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse.” *Discourse Studies*. 7 (2), 2005: 173–192. (англ.)
- Hyland 2012 — Hyland K. *Disciplinary Identities. Individuality and community in academic discourse*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. 236 p. (англ.)
- Overington 1977 — Overington M. “Scientific Community as Audience — Toward a Rhetorical Analysis of Science.” *Philosophy and Rhetoric*. 10 (3), 1977: 143–164. (англ.)
- Steiner 2009 — Steiner F. *Dargestellte Autorschaft: Autorkonzept und Autorsubjekt in wissenschaftlichen Texten*. Tübingen: Niemeyer, 2009. VIII, 279 S. (немецк.)
- Steinhoff 2007a — Steinhoff T. *Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten*. Tübingen: Niemeyer, 2007. X, 460 S. (немецк.)

- Swales 1990 — Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. XI, 260 p. (англ.)
- Weinrich 2006 — Weinrich H. *Sprache, das heißt Sprachen*. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 2006. 413 S. (немецк.)
- Weitze, Heckl 2016 — Weitze M.-D., Heckl W.M. *Wissenschaftskommunikation: Schlüsselideen, Akteure, Fallbeispiele*. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2016. IX, 303 S. (немецк.)

Для цитирования: Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>

Text sources

- Bücking 2015 — Bücking S. “Zur Syntax hypothetischer Vergleichssätze im Deutschen [On the syntax of hypothetical comparative sentences in German].” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 43 (2), 2015: 261–305. (German)
- Egbert 2002 — Egbert M. “Syntaktische Merkmale von *übrigens* in der Hauptposition: im Mittelfeld des Verb-Zweit-Satzes [Syntactic features of *übrigens* in the main position: in the mid-field position of the verb-second sentences].” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 30, 2002: 1–22. (German)
- Heiden von der G., Malmquist A. 2012 — Heiden von der G., Malmquist A. “„Der Schuldzuweiser“. Zu Personalisierungen und Selbstbezügen in Pressekommentaren einer schwedischen und einer deutschen Tageszeitung [„The Debtor“. On the personalization and self-references in press comments of a Swedish and a German daily newspaper].” *Persuasionsstile in Europa* [The persuasive styles in Europe]. Lenk H. E. H., Vesalainen M. (Hrsg.). Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2012. P. 251–274. (German)
- Helbig 2007 — Helbig G. “Der Konjunktiv — und kein Ende. Zu einigen Kontroversen in der Beschreibung des Konjunktivs der deutschen Gegenwartssprache [The subjunctive — and no end. On some controversy in the description of the subjunctive of the German contemporary language].” *Deutsch als Fremdsprache*. 44 (3), 2007: 110–123. (German)
- Hennig 2006 — Hennig M. “So, und so, und so weiter. Vom Sinn und Unsinn der Wortklassifikation [So, und so, und so weiter. On the meaning and nonsense of the word classification].” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 34, 2006: 409–431. (German)
- Steinhoff 2007b — Steinhoff T. “Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten [On the I-use in scholarly texts].” *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 35, 2007: 1–26. (German)

References

- Бондарко 2014 — Bondarko A. V. “K voprosu o napravleniakh analiza «ot semantiki» i «ot formy» v sisteme funkcional'noi grammatiki [Towards the areas of the analysis of “from semantics” and “from forms” in the functional grammar].” *Trudy Instituta lingvистических issledovanij — Acta linguistica Petropolitana*. Vol. 10. P. 3. St. Petersburg: Nauka, 2014. P. 74–89. (Russian)
- Кожина, Дускаева и др. 2014 — Kozhina M. N., Duskaeva L. R. et al. *Stilistika russkogo iazyka: uchebnik* [Russian stylistics: Study guide]. Moscow: Flinta; Nauka, 2014. 464 p. (Russian)
- Кубрякова 2000 — Kubriakova E. S. “Onomasiologija [Onomasiology].” *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Iazykoznanie* [Great encyclopedic dictionary. Linguistics]. Iartseva V. N. (ed.). Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2000. P. 345–346. (Russian)
- Нефёдов 2007 — Nefedov S. T. *Kommunikativnaia modal'nost' i epistemicheskie modal'nye komponenty v nemetskom iazyke (sinkhroniia i diakhroniia)* [Communicative modality and epistemic modal components in the German language (Synchrony and diachrony)]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 2007. 201 p. (Russian)
- Эйхбаум 1996 — Eikhbaum G. N. *Teoreticheskaia grammatika nemetskogo iazyka* [Theoretical grammar of the German language]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 1996. 275 p. (Russian)
- Auer, Baßler 2007 — Auer P., Baßler H. “Der Stil der Wissenschaft [The style of science].” *Reden und Schreiben in der Wissenschaft* [Speeches and writing in science]. Auer P., Baßler H. (eds.). Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. P. 9–29. (German)
- Biber, Finegan 1988 — Biber D., Finegan E. “Adverbial stance types in English.” *Discourse Processes*. 11 (1), 1988: 1–34. (English)

- Ehlich 1993 — Ehlich K. “Deutsch als fremde Wissenschaftssprache [German as a foreign science language].” *Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache*. 19, 1993: 13–42. (German)
- Graefen 1997 — Graefen G. *Der wissenschaftliche Artikel: Textart und Textorganisation* [The scientific article — text type and text organization]. Frankfurt a/M.; Berlin; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997. 357 p. (German)
- Helbig 1981 — Helbig G. “Die deutschen Modalwörter im Lichte der modernen Forschung [The German modal words in the light of modern research].” *Beiträge zur Forschung der modernen Sprache* [Contributions to the study of modern language]. Vol. 1. Schieb G., Fleischer W. et al. (eds.). Leipzig: Bibliographisches Institut, 1981. P.5–29. (German)
- Helbig G., Helbig A. 1990 — Helbig G., Helbig A. *Lexikon deutscher Modalwörter* [Dictionary of German modal words]. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1990. 300 p. (German)
- Hyland 1995 — Hyland K. “The Author in the Text: Hedging Scientific Writing.” *Hong Kong Papers in Linguistics and Language Teaching*. 18, 1995: 33–42. (English)
- Hyland 2005 — Hyland K. “Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse.” *Discourse Studies*. 7 (2), 2005: 173–192. (English)
- Hyland 2012 — Hyland K. *Disciplinary Identities. Individuality and community in academic discourse*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. 236 p. (English)
- Overington 1977 — Overington M. “Scientific Community as Audience — Toward a Rhetorical Analysis of Science.” *Philosophy and Rhetoric*. 10 (3), 1977: 143–164. (English)
- Steiner 2009 — Steiner F. *Dargestellte Autorschaft: Autorkonzept und Autorsubjekt in wissenschaftlichen Texten* [Illustrated authority. Author’s concept and autosubject in scientific texts]. Tübingen: Niemeyer, 2009. VIII, 279 p. (German)
- Steinhoff 2007a — Steinhoff T. *Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten* [Scientific literacy: language use and writing in scientific texts by students and experts]. Tübingen: Niemeyer, 2007. X, 460 p. (German)
- Swales 1990 — Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. XI, 260 p. (English)
- Weinrich 2006 — Weinrich H. *Sprache, das heißt Sprachen* [Languages will be languages]. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 2006. 413 p. (German)
- Weitze, Heckl 2016 — Weitze M.-D., Heckl W.M. *Wissenschaftskommunikation: Schlüsselideen, Akteure, Fallbeispiele* [Science communication — key ideas, actors, case studies]. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2016. IX, 303 p. (German)

For citation: Nefedov S. T. Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>

Статья поступила в редакцию 28 августа 2016 г.
Статья рекомендована в печать 18 января 2017 г.